

- Вечерки и концерты певицы Елены Сапоговой -

ХОДИ К МАТУШКЕ В ГОСТИ.

Доброжелатели не раз говорили ей: «Леночка, вы правильно держите себя на сцене. Нужно улыбаться — тонус, тонус! И номер концертный заменить надо, расскажите или спойте что-нибудь повеселее...» А она тихо, без всякой патетики говорит залу слова из «Даниила Заточника»: «Вострубим бо братие аки в златокованные трубы в разум ума своего и начнем бити в серебряные органы во известие мудрости и ударим в бубны ума своего поюще в богодохновенные свирели. Да восплачутся в нас душеполезные помыслы!..»

Она действительно не очень-то вписывается в накатанную концертную обойму. В репертуаре народной артистки РСФСР Елены Сапоговой — былины, разговоры, старинные русские песни — исконно народные, древние, могучие, полноводные.

Несколько лет назад позвала я Елену Андреевну с детьми в свое «поместье» — пятистенную избу на краю земли с просвечивающими, доступными для комаров углями. Она поехала с восторгом. В душные земляничные полдни сосновый бор непривычно вздыхал от ее гукальных песен, берега и воды Кунарки принимали бескрайнее «где живет моя милая — там привольна сторона». Вечером был костер, и мы в счастливой возможности общения, в объятиях напоенной запахами ночи, несмелыми притоками устремляли свои голоса в чистую реку сапоговского голоса: «Ходи к матушке в гости, ходи к матушке в гости, пока матушка жива...»

Однажды над обрывом Кунарки, прямо посреди деревни, устроили вечер русской на-

родной песни. Эта вечерка возникла сама собой, объявлений не вывешивали. Натащили лавки — главным образом из банек (в избах-то вычье их нет), уселись по-домашнему, вокруг одного стола, врытого прямо над крутым берегом, и не заметили, как просидели до самой глубокой ночи. Песни Сапоговой растревожили, растревали, вызвали на состязание здешние песни — давно не петье, но, оказывается, еще не забытые... Как-то Елена Андреевна сказала: «Откуда у наших неграмотных бабушек это было: «будь здоровья, как вода, будь богата, как земля, будь красна, как весна»? Сравнения-то какие вселеские! У колыбели мама мне пела: «Голубеньки глазки сделали сазлазки, сели да поехали — к дедушке заехали. Чего, деда, делаешь? — Ступу да лопату, корову горбату. Корова-то с кошку — надоила с ложку. Пора бабушке вставать — курам зернышки давать. Куры улетели — на сосенку сели...» До сих пор помню эти «голубеньки глазки». Ребенок еще не разговаривал, а его уже воспитывали...» И сыну своему, Сашке, когда был маленький, Сапогова пела «Как по морию». Нет ничего надежнее для юной души, чем такие колыбельные.

Многое можно вспомнить из жизни Елены Андреевны Сапоговой. Вспомнить, как ее, не знавшую вотной грамоты, приняли в Саратовскую консерваторию. Как иступленно училась она, ви на один шаг не отставая от однокурсников, которые пришли после музыкальных десятилеток. Как прирабатывала к стипендии уборщицей, как бегала к консерваторской вахтерше Евдокии Ивановне Петровой, кото-

рая любила и жалела всех студентов, но к Лене у нее отношение было особенное. Думаю, что сердцем она безошибочно определила назначение Сапоговой в русской культуре, и берегла ее, поддерживала, как умела. Мы ездили с Леной в Саратов четыре года назад, застали еще Евдокию Ивановну. И я, записывая на магнитофон ее прибауточки, думала о силе духа русского человека. Той самой силе, которая помогает держаться на высоте по отношению к жизни — с ее суестьностью, неурядицами, горестями.

Документальный фильм о Сапоговой «Колыбельная с куклой», снятый на Свердловском телевидении, похоже, сократил путь певицы к своей аудитории. На телевидение пошли письма. От тех, кому Сапогова нужна, от тех, кто нужен Сапоговой.

«Вы делаете Великое дело («великое» с большой буквы, так и написано. — М. П.). Верьте мне. Вы сетуете, что вы — скоморох. Это же прекрасно! Не пытайтесь соревноваться с современными ритмами. Это недостойно той высокой миссии, которую вы несете... С глубоким уважением, В. Морозова. Одесса».

«Я присоединяю свой голос к вашему (не из сцене, конечно, я инженер морского флота, а в жизни). Пожалуйста, пойте как можно больше в разных городах и селах, приезжайте к нам в Севастополь, я сама разнесу ваши афиши во все концы, соберу зрителей. С огромным уважением, А. Кубина».

«Уважаемые товарищи, передайте Елене Сапоговой, что мы, в недалеком прошлом городские жители, а ныне сельские, нигде никогда не изучавшие русскую музыкальную грамоту, осомлени ее пением. Передайте ей: пусть всю свою душевную энергию отдает песне, пусть поменьше переживает при виде полупустых залов. Придет время, и на ее концерты билета не достанет. Передайте Елене Сапоговой, что мы купили бы ее пла-

стинку за любую цену. Передайте ей, что она артистка — самая настоящая народная! Суворовы. Приморский край».

Спасибо, конечно, Суворовым и другим авторам писем. Но ведь настоящего-то выхода к народу у Сапоговой до сих пор нет. Как-то получаю ее письмо из Перми: «Я в отчаянии. Приехала — а здесь и знать не знают, кто я и что делаю. Пыталась объяснить — слушать не хотят. Вчера опять выступала в общежитии: пять человек, сидят в бигудях, две женщины с ребятишками — матери-одиночки...» И пластинки у певицы пока нет. Пленка с записями Сапоговой в прямом смысле слова исчезла с территории почтенной фирмы «Мелодия».

Между тем в день сольного концерта Сапоговой в Свердловске — всего лишь третьего в ее жизни под крышей местной филармонии — зал был переполнен. Сам по себе этот факт — вне однозначных эмоциональных оценок. В концертный зал, где поет Сапогова, приходят люди, готовые трудиться душой. И молодежь, кстати, было много на ее сольном концерте. Сокурсница моей дочери, студентка горного института, заявляла, будто они решили выбросить из своего общежития все магнитофоны. Конечно, это крайность, сиюминутный порыв, но и в самом деле после всех этих привольных песен хочется задвинуть в угол звуковоспроизводящие машины и прислушаться к себе.

В последние годы моего прозрения — я ведь тоже из числа «разбуженных» — меня не покидает чувство медленного, но неуклонного, упрямого движения. Стронулось нечто глубинное. Постигая песню своих предков, мы находим

свое прошлое, пласты древней культуры. Народ остается народом, как личность остается личностью лишь до тех пор, пока сохраняет память.

...Сейчас не могу и вспомнить точно, как сошлись наши пути с тепловцами. Вообще-то они именуются клубом политической песни Дворца культуры Уралмашзавода. В этом клубе два ансамбля: политической песни и фольклорный. Но многие, кто уже знает ребят, просто и коротко зовут их «тепловцами», по фамилии руководителя-энтузиаста. Тепловцев тоже соследила песня. Отыскала в суе современных ритмов их голоса, выпевавшие мелодии родной земли.

И не забыть мне ту повогоднюю ночь, когда все мы собрались у Сапоговой. Типовая ее квартира на девятом этаже уралмашевского небоскреба, словно раздвинула пределы: тепловцы явились в полном составе — человек двадцать. Потомство, принесенное на руках и привезенное в колясках, галдело и путалось под погами, беспрепятственно завладевало самодельными трепотками, гуслими, бубнами... Стоял невообразимый гвалт, но с ним вошло в квартиру неслышанное и невиданное прежде умиротворение. Как мы пели в ту ночь! Да, я гордо пишу «мы», потому что теперь знаю кое-какие народные песни и в общем хоре научилась тихонько, с краешку приставлять свой голос.

За два часа до Нового года мы ходили ряжеными к соседям — колядовали. В одном доме хозяйка сказала после плясового «гусарика»: «Спасибо, нам так радостно с вами!»

Мария ПИНАЕВА.

Свердловск.